

АРЕСТ КАК МЕРА ПРИНУЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Евгений Анатольевич Шаталов

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия, penalize@rambler.ru

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка комплексного анализа законодательства первого пятилетия советской власти на предмет выявления особенностей нормативно-правового регулирования оснований и порядка применения ареста в советской России, содержания лиц, подвергнутых аресту в пенитенциарных учреждениях. В частности, для обсуждения предлагается авторская классификация арестов, применявшихся в период становления диктатуры большевиков, которая явилась результатом глубокого научного исследования и нормативных документов, и архивных материалов, содержащих сведения о правоприменительной деятельности органов советской власти как в центре, так и на местах.

Ключевые слова: арест, ВЧК, рабоче-крестьянская милиция, Петроградский ВРК, тюрьмы, декреты советской власти, нарушения законности

Для цитирования: Шаталов Е. А. Арест как мера принуждения в условиях становления советского государства и права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 56–61. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-56-61>

ARREST AS A MEASURE OF COERCION IN THE CONDITIONS OF THE FORMATION OF THE SOVIET STATE AND LAW

Evgenii A. Shatalov

Siberian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia, penalize@rambler.ru

Abstract. This article attempts to comprehensively analyze the legislation of the first five years of Soviet power in order to identify the peculiarities of the legal regulation of the grounds and the procedure for applying arrest in Soviet Russia, and the detention of persons arrested in penitentiary institutions. In particular, for discussion, an author's classification of arrests used during the formation of the Bolshevik dictatorship is proposed, which was the result of a deep scientific study and regulatory documents, and archival materials containing information about the law enforcement activities of the Soviet authorities both in the center and on the ground.

Keywords: arrest, workers' and peasants' militia, prisons, decrees of Soviet power, violations of the rule of law

For citation: Shatalov E. A. Arrest as a measure of coercion in the conditions of the formation of the Soviet state and law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):56–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-56-61>

Доминирование карательных методов над иными способами регулирования общественных отношений стало вполне закономерным явлением в процессе узурпации власти и установления диктатуры воинственно настроенных большевиков [1, с. 17–57]. С первых дней вооруженного октябрьского переворота они безоговорочно делают ставку на устрашение политической оппозиции и сочувствующему ей населению. В первых актах советской власти

упоминается возможность применения самых суровых мер юридической ответственности к противникам революции. Среди них и «немедленная кара», «беспощадное осуждение военно-революционным судом»¹, расстрел на месте преступления, объявление врагом народа и изменником революции², и прочие репрессивные меры. Также в числе упоминаемых мер принуждения весьма часто, а то и повсеместно значится арест. Основанием применения ареста в первые дни октябрьской революции являлось участие в несанкционированных забастовках, юнкерском мятеже, антиреволюционная пропаганда, неисполнение распоряжений советской власти, государственная измена и т.п. [2, с. 173, 212–213; 3, 281, 282, 289; 4, с. 7, 31] Петроградский военно-революционный комитет также предписывал производить аресты лиц осуществляющих спекулятивную деятельность [3, с. 406].

Применение ареста в советской России имело разные цели. *Во-первых, применялся он как мера процессуального пресечения*, когда арестованные препровождались в тюрьмы Кронштадта и содержались там до решения военно-революционного суда как, к примеру, по делам о спекуляции и саботаже³. *Во-вторых, как мера изоляции представляющих опасность для советской власти лиц*. Так в одном из предписаний Петроградского ВРК от 30 октября 1917 года было указано, что ротмистр Кручинин А.П. препровождается под арест до соответствующего правительственного распоряжения о нем [3, с. 371].

В некоторых случаях лиц препровождали под арест с указанием «впредь до особого распоряжения» [5, с. 164–165]. В одной из резолюций ВЦИК прямо было сказано, что не подлежат освобождению из-под ареста лица, которые угрожают завоеваниям революции⁴.

Особо активно арест в качестве «экстренной меры»⁵ принуждения с дальнейшей изоляцией лиц применялся в период реализации политики «красного террора». Приказом от 2 сентября 1918 г. ВЧК объявила своим местным органам о необходимости производства арестов в отношении «представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных советской власти офицеров». Данную категорию арестованных лиц в качестве заложников ВЧК предписывала заключать на неопределенный срок в концентрационные лагеря с дальнейшим привлечением осужденных к труду [6, с. 14]. В отдельных губерниях арестованных «заложников городской буржуазии и деревенских кулаков» содержали в специально создаваемых для этого арестных домах ЧК [7, с. 93].

В-третьих, как мера уголовного наказания. В радиোগрамме «армейским организациям о борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира» от 10 ноября 1917 г. председатель СНК В. И. Ленин открыто объявил о беспощадной борьбе с некоторыми видами противоправных деяний. За совершение таких преступлений как спекуляция, мародерство, казнокрадство контрреволюция, дезорганизация продовольственной работы виновных лиц надлежало подвергать аресту с заключением в кронштадтской тюрьме [4, с. 69–70]. Отметим, что здесь уже нет оговорки об аресте с последующим преданием суду виновных лиц, как в некоторых других, более ранних нормативных актах.

По общему правилу юридический термин – «заключение» в советской России означал этапирование лица в пенитенциарное учреждение, в отношении которого уже вступил в силу приговор суда, с последующим отбыванием уголовного наказания⁶. Поэтому речь

¹ См.: Обращение к рабочим, солдатам и матросам Петрограда о соблюдении революционного порядка // Деревенская беднота. 1917. 1 (14) ноября.

² См.: Приказ комиссара Комитета военно-технической помощи объединенных научных и технических организаций О. Гацука о немедленном выходе на работу рабочих и служащих комитета // Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 3 ноября 1917 г.

³ См.: Предписание СНК от 10 (23) ноября 1917 г. о принятии решительных мер к искоренению спекуляции и саботажа. // Собрание узаконений. № 3. 1917. Ст. 33.

⁴ См.: Резолюция ВЦИК от 6 (19) ноября 1917 г. о продолжении переговоров с другими партиями // Известия. № 218. 7 ноября 1917.

⁵ Несколько слов о предотвращении белогвардейских и кулацких выступлений в деревне // Ежедневник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. № 2. 1918. С. 10.

⁶ Народный комиссариат юстиции своим постановлением № 1 от 24 января 1918 г. «О тюремных рабочих командах» уточнял, что заключенные в тюрьмах делятся на две группы: арестованные (подследственные) и арестованные, осужденные судами // СУ. № 19. Отдел 1. Ст. 284.

здесь идет именно о внесудебных формах репрессий, которые советская власть время от времени начинает применять к ее противникам [8, с. 21].

Уже в 1920 году практика по применению ареста во внесудебном порядке получает достаточно широкое распространение в деятельности советских органов государственной власти, в том числе и на местах. Так одним из постановлений томской уездной тройки по сбору обмундирования от 12 ноября 1920 года агент губернского продовольственного комитета Д.П. Гейман за хищение обмундирования был приговорен к аресту с применением принудительного труда сроком на 3 месяца¹.

В-четвертых, как ответная мера в международных отношениях. Реакцией на захват Бессарабии Румынией со стороны СНК были массовые аресты членов румынского посольства во главе с послом Диаманди. Они были арестованы в качестве заложников, которых надлежало содержать до тех пор, пока не будет решен вопрос об освобождении окруженных и арестованных русских войск на фронте [4, с. 310].

Любопытен и тот факт, что арест в органах советской власти применялся и как *мера дисциплинарного взыскания*. Например, в приказе Енисейской губернской ЧК значиться, что заведующие отделами имеют право применять арест по отношению к своим сотрудникам за небрежное и халатное отношение к должностным обязанностям сроком до 10 суток. В этом документе также подчеркивалось, что лицам, подвергнутым дисциплинарному взысканию, жалование за дни ареста не выплачивается².

Первоначально правом на производство ареста обладали практически все без исключения советские органы и должностные лица, представители общественности. Весьма точно по этому поводу высказывается А.В. Крыжан. Данный автор подчеркивает, что «арестовывать считали себя вправе любые властные органы, особенно, если они носили чрезвычайный характер. В этом отношении характерна деятельность продовольственных комитетов» [9, с. 19].

Председатель СНК В.И. Ленин в своем обращении открыто призывал население производить аресты и предавать революционному суду всякое лицо, которое «посмеет вредить народному делу»³.

Часть лиц, подвергшихся аресту, содержалась в тюрьмах, некоторые в помещении того органа, который произвел их арест [2, с. 29]. Здесь следует отметить, что, в первые годы становления власти большевиков, в России фактически отсутствовали специальные учреждения для содержания лиц, находящихся под стражей, лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы на определённый срок [10, с. 13].

Регистрация арестованных, препровождаемых в пенитенциарные учреждения, производилась не всегда систематично и своевременно. Петроградский ВРК неоднократно настоятельно требовал от учреждений и должностных лиц организовать учет арестованных и систематически предъявлять информацию в форме справок «... с точным указанием, где каждый арестованный в данный момент находится под стражей» [3, с. 310, 325].

Бесконтрольность карательной деятельности, репрессивное законодательство повлекло за собой массовые злоупотребления и грубейшие нарушения, дискредитировавшие советскую власть в лице народа. В одном из протоколов заседаний ВЧК от 1918 года подчеркивалось, что в московских тюрьмах наблюдались и наблюдаются массовые беспорядки, чрезмерно высокая загруженность, в некоторых из них находятся арестованные «старым правительством, и их дела еще не рассмотрены» [11, с. 189].

Справедливости ради следует заметить, что некоторые шаги по установлению контроля за производством арестов все-таки предпринимались, однако де-факто эффект их был незначительным. Так в начале ноября 1917 г. Петроградский ВРК с целью недопущения полной дезорганизации правоприменительной деятельности революционных органов вводит запрет на производство их должностными лицами арестов без наличия соответствующего ордера [12, с. 11].

¹ Государственный архив Томской области. Ф. Р-202. Оп-2. Д. 9. Л. 49.

² Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 9.

³ См.: Обращение Председателя СНК к населению о победе Октябрьской революции и о задачах борьбы на местах от 5 (18) ноября 1917 г. // Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 48-50.

Вслед за этим 10 ноября 1917 г. ВРК издает инструкцию, которая закрепила полномочия на производство арестов преимущественно за своими комиссарами. В этом документе было сказано, что производство арестов комиссарами ВРК допускается только в относительно определенных случаях «нарушителей революционного порядка и явных контрреволюционеров» [13, с. 39]. В дивизиях, бригадах и полках действующей армии комиссарам местных ВРК дозволялось производить аресты только в самом крайнем случае, когда это «единственное средство». При этом указанные должностные лица должны были не позднее 12 часов после ареста доложить об этом в военно-революционный комитет¹.

После упразднения ВРК некоторые его нормативные акты, регламентировавшие процессуальные основы производства арестов утратили силу. Данный круг вопросов теперь регулировался самостоятельно внутри каждого ведомства, которое обладало правом на производство арестов. По мнению Кобелевой Е. А., это объясняется тем, что руководство советского государства и РКП(б) не преследовали цели ставить силовые структуры в жесткие рамки, которые использовались для давления на политических противников [14, с. 17].

Главным образом этими ведомствами были ВЧК и НКВД, которые продолжили осуществлять охранительные функции принадлежавшие некогда Петроградскому ВРК. В одном из постановлений ВЧК от 22 марта 1918 г. было продекларировано, что право на производство всех арестов по делам о контрреволюции, спекуляции, злоупотребление по должности принадлежит исключительно местным ЧК [15, с. 103]. Советской милиции соответственно принадлежало право производить аресты в рамках расследования дел об общеуголовных преступлениях. Показательным в этом отношении является циркуляр начальника томской уездной милиции от 13 октября 1920 г., в котором устанавливался запрет на производство сотрудниками органов внутренних дел арестов по делам «политического характера». Согласно этому документу сотрудники милиции обязаны были «явным или тайным образом» собирать информацию, материалы о контрреволюционной деятельности в последующем направлять в губернскую ЧК, которая и принимает решение об аресте причастных к такой деятельности лиц².

Местные органы ВЧК имели право применять арест для пресечения и предупреждения «всякого рода контрреволюционных выступлений, погромов и черносотенных беспорядков». В инструкции от 1 декабря 1918 г. принятой на II Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий было сказано об аресте, который уездные ЧК в совокупности со штрафом могли применять в административном порядке сроком до 3 месяцев. Продление сроков содержания лиц под арестом, уже возможно было только с согласия руководящего состава губернской ЧК. В этом же документе отдельной статьей был прописан порядок производства арестов органами ЧК в отношении советских и партийных работников. В случае ареста данных лиц чекисты обязаны были не позднее 24 часов извещать об этом органы и учреждения где указанные лица служили [16, с. 80–91].

С целью осуществления функций контроля за соблюдением норм ведомственных актов о порядке производства арестов, решения иных процессуальных вопросов органами ЧК в их состав входили делегаты от светских органов власти и партийных комитетов [17, с. 569–571]. Однако, не смотря на эти меры в оперативно-служебной деятельности ЧК выявлялись грубейшие нарушения декретов советской власти. Об этом упоминается в приказе Президиума ВЧК от 28 февраля 1920 г. «О строгом соблюдении советских законов». Критике со стороны ВЧК подверглась именно деятельность ее местных органов в части информирования советских учреждений об аресте их сотрудников. Допуская подобные нарушения, органы ЧК «лишают возможности подготовить на место арестуемых других работников, что совершенно расстраивает работу учреждения» [18, с. 91–92].

В протоколе заседания ревкома Иркутской губернии от 15 июня 1920 г. по этому поводу сообщалось, что особый отдел ВЧК 5-й армии бесперывно производит аресты должностных лиц, без соблюдения необходимых условий, предусмотренных в декретах, без

¹ См.: Инструкция бюро ВРК 17-го армейского корпуса об организации дивизионных, бригадных и полковых военно-революционных комитетов и учреждений должности комиссара от 25 ноября 1917 г. [13, с. 193].

² Государственный архив Томской области. Ф. Р-425. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

предъявления «инкриминирующего характера (материала), ... арестованное лицо большей частью не успеваает даже сдать дела своим заместителям»¹.

В одном из докладов заведующего отделом рабоче-крестьянской инспекции в Иркутской губернии сообщалось, что при обследовании мест заключения «видно: из общего числа 536 заключенных числящихся за ГубЧК, не допрошено ни разу; 1/3 всего состава в течение 2-3 месяцев и почти 1/2 не предъявлено обвинение, многие сидят без приговора 4-5 месяцев»².

Было бы несправедливо акцентировать внимание только на многочисленных нарушениях, допускавшихся органами ЧК при производстве арестов. Подобные недостатки имели место и в деятельности рабоче-крестьянской милиции. Из материалов Балашовского уездного исполкома в Саратовской губернии следует, что сотрудники милиции производят аресты и «не записывают арестованных» в соответствующую книгу, отбирают у арестованных крупные суммы денег, аресты производят без надлежащих на то оснований [19, с. 37].

Резюмируя все вышесказанное, хотелось бы отметить, что арест в период становления и организации публичной власти большевиков, являлся одной из самых распространенных мер принуждения, применявшейся к лицам, совершившим противоправные деяния и подозреваемым в их совершении. Но не смотря на активную и широкую практику применения этой меры с процессуальной стороны она не получила должной законодательной регламентации. Советские нормативно-правовые акты лишь устанавливали возможность применения ареста в том или ином случае, но не содержали указания в качестве какой меры принуждения.

В условиях господства революционной целесообразности над законом, арест по усмотрению сотрудников органов советской власти применялся в зависимости от военной, политической обстановки на той или иной территории государства и как мера уголовно-процессуального принуждения и уголовного наказания, дисциплинарного взыскания и даже как способ изоляции лиц в пенитенциарные учреждения по классовому принципу.

Список источников

1. Борисов Г. Диктатура пролетариата и социально-философское обоснование. Петербург, 1920.
2. Военно-морской Революционный комитет. Сборник документов. Ленинград, 1975.
3. Петроградский ВРК. Документы и материалы. Т. 1. М., 1966.
4. Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957.
5. ВРК действующей армии: 25 октября 1917 г. – март 1918 г. М., 1977.
6. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960 / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2000. С. 14.
7. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД 1918–1939. Документы и материалы в 4-х томах. Т. 1. 1918–1922. М., 1998.
8. Емельянов В. Н. История создания и правовое обеспечение деятельности политической юстиции Башкирской АССР в 1917-1941 годах: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.
9. Крыжан А. В. Становление и развитие местных органов советской власти. 1917–1922 гг. (на материалах Курской губернии): автореф. ... дис. канд. ист. наук. Курск, 2010.
10. Пименов К. А. Советская пенитенциарная система на Урале в 1817-1930-е гг. (историко-правовое исследование): автореф. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010.
11. Архив ВЧК: Сборник документов. М., 2007.
12. Петроградский ВРК. Документы и материалы. Т. 2. М., 1966.
13. Военно-революционные комитеты действующей армии: 25 октября 1917 г. – март 1918 г. М., 1977.
14. Кобелева Е.А. Место и роль органов ЧК в процессе становления советского государства. 1918 – начало 1922 гг. (на материалах Пермского Прикамья): автореф. ... канд. ист. наук. Пермь, 2005.

¹ Государственный архив Иркутской области. Ф. 42. Оп. 1. Д. 111. Л. 36.

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4085. Оп. 2. Д. 71. Л. 1.

15. Из истории ВЧК (1917-1922 г.): сборник документов. М., 1958.
16. ВЧК-ГПУ. Документы и материалы. М., 1995.
17. Декреты советской власти. М., 1968. Т. IV.
18. Нормативно-правовые акты об организации и оперативно-служебной деятельности органов ВЧК: хрестоматия / Сост. Е.А. Шаталов. Абакан, 2011.
19. Саратовская губернская милиция: Документы и материалы (октябрь 1917-май 1928) / Сост. А. В. Афанасьев. Саратов, 2002.

References

1. Borisov G. *Dictatorship of the proletariat and socio-philosophical justification*. Peterburg; 1920. (In Russ.)
2. *Naval Revolutionary Committee*. Collection of documents. Leningrad; 1975. (In Russ.)
3. *Petrograd VRK*. Documents and materials. Т. 1. Moscow; 1966. (In Russ.)
4. *Decrees of Soviet power*. Т. 1. Moscow; 1957. (In Russ.)
5. *Military Revolutionary Committee of the Army: October 25, 1917 – March 1918*. Moscow, 1977. (In Russ.)
6. *Gulag (General Directorate of Camps)*. 1918-1960. Comp. A.I. Kokurin, N.V. Petrov. Moscow; 2000. (In Russ.)
7. The Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD 1918-1939. Documents and materials in 4 volumes. Т. 1. 1918–1922. Moscow; 1998. (In Russ.)
8. Emelyanov V. N. The history of the creation and legal support of the activities of political justice of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic in 1917-1941: author.... dis. cand. jurid. sciences. Volgograd, 2006. (In Russ.)
9. Kryzhan A. V. Formation and development of local bodies of Soviet power. 1917-1922 (based on materials from the Kursk province): author.... dis. Ph.D. History of Sciences. Kursk, 2010. (In Russ.)
10. Pimenov K. A. *Soviet penitentiary system in the Urals in the 1817-1930s. (historical and legal research)*: author.... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2010. (In Russ.)
11. *Archive of the VChKa*: Collection of documents. Moscow; 2007. (In Russ.)
12. *Petrograd VRK*. Documents and materials. Т. 2. Moscow; 1966. (In Russ.)
13. *Military revolutionary committees of the army: October 25, 1917 - March 1918*. Moscow; 1977. (In Russ.)
14. Kobeleva E.A. *The place and role of the ChK organs in the process of formation of the Soviet state. 1918 – early 1922 (based on materials from Perm Prikamye)*: author.... Ph.D. History of Sciences. Perm; 2005. (In Russ.)
15. *From the history of the ChK (1917-1922): a collection of documents*. Moscow; 1958. (In Russ.)
16. *VCHK-GPU*. Documents and materials. Moscow; 1995. (In Russ.)
17. *Decrees of Soviet power*. Moscow; 1968. Т. IV. (In Russ.)
18. *Regulations on Organization and Operational Activities of ChK Bodies: Textbook*. Comp. E.A. Shatalov. Abakan; 2011. (In Russ.)
19. *Saratov provincial police: Documents and materials (October 1917-May 1928)*. Comp. A.V. Afanasyev. Saratov, 2002. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. А. Шаталов – канд. юрид. наук, доц., зав. кафедрой теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала РАНХиГС.

Information about the author

Shatalov E. A. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of Department of Theory and History of the State and Law of Siberian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.05.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 10.06.2022.

The article was submitted 28.05.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 10.06.2022.